

Научная статья

УДК 343.35

<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-2-16-28>

О новых направлениях доктринальных исследований противодействия коррупции в современной России*

Баранов Владимир Михайлович¹, Кабанов Павел Александрович²

¹Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия, baranov_prof@bk.ru, orcid.org/0000-0003-2689-739X

²Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова, Казань, Россия, kabanovp@mail.ru

Аннотация. В статье предпринимается попытка определить новые направления научно-практического и учебно-методического обеспечения противодействия коррупции.

Предлагается максимально быстро перейти от инкорпорации антикоррупционного законодательства к разноразмерной его кодификации посредством подготовки серии модельных кодексов противодействия коррупции в субъектах Российской Федерации и СНГ.

Обосновывается необходимость создания и введения для всеобщего открытого обозрения Реестра лиц, осужденных за преступления коррупционной направленности, активизации (наряду с антикоррупционным просвещением, антикоррупционным воспитанием, антикоррупционным образованием, антикоррупционной агитацией, антикоррупционной пропагандой и антикоррупционной рекламой) популяризации антикоррупционной деятельности.

Авторы выступают за разработку многоуровневой системы поощрения антикоррупционной деятельности, внедрение антикоррупционного планирования, антикоррупционной экспертизы на региональном и муниципальном уровнях, создание теории виктимологии коррупции и антикоррупционной педагогики.

Ключевые слова: противодействие коррупции, антикоррупционное законодательство, систематизация и кодификация антикоррупционного законодательства, Модельный кодекс СНГ о противодействии коррупции, Реестр лиц, осужденных за преступления коррупционной направленности, популяризация антикоррупционной деятельности, система поощрения антикоррупционной деятельности, антикоррупционное планирование, антикоррупционная педагогика, антикоррупционная экспертиза, виктимология коррупции, методика определения цены коррупции

Для цитирования: Баранов В. М., Кабанов П. А. О новых направлениях доктринальных исследований противодействия коррупции в современной России // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 2 (66). С. 16–28. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-2-16-28>.

* Статья дополняет доклад профессора В. М. Баранова 17 апреля 2024 года на Международном XIII Евразийском антикоррупционном форуме «Правовое просвещение и противодействие коррупции».

© Баранов В. М., Кабанов П. А., 2024

Original article

On new directions of doctrinal anti-corruption research in modern Russia

Vladimir M. Baranov¹, Pavel A. Kabanov²

¹Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russian Federation, baranov_prof@bk.ru, orcid.org/0000-0003-2689-739X

²Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov, Kazan, Russian Federation, kabanovp@mail.ru

Abstract. The article attempts to identify new areas of scientific, practical, educational and methodological support for combating corruption.

It is proposed to move as quickly as possible from the incorporation of anti-corruption legislation to its multi-level codification through the preparation of a series of model anti-corruption codes in the subjects of the Russian Federation and the CIS.

The necessity of creating and introducing for public viewing a Register of persons convicted of corruption-related crimes, activation (along with anti-corruption education, anti-corruption education, anti-corruption education, anti-corruption agitation, anti-corruption propaganda and anti-corruption advertising) popularization of anti-corruption activities is substantiated.

The authors advocate the development of a multi-level system for encouraging anti-corruption activities, the introduction of anti-corruption planning, anti-corruption expertise at the regional and municipal levels, the creation of a theory of victimology of corruption and anti-corruption pedagogy.

Keywords: anti-corruption, anti-corruption legislation, systematization and codification of anti-corruption legislation, CIS Model Code on Combating Corruption, Register of Persons Convicted of corruption-related crimes, popularization of anti-corruption activities, anti-corruption promotion system, anti-corruption planning, anti-corruption pedagogy, anti-corruption expertise, victimology of corruption, methodology for determining the price of corruption

For citation: Baranov V. M., Kabanov P. A. On new directions of doctrinal anti-corruption research in modern Russia. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2024, no. 2 (66), pp. 16–28. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-2-16-28>.

Второго апреля 2024 года на расширенном заседании коллегии МВД России Президент государства отметил, что «сегодня внутренние и внешние угрозы часто переплетаются и одинаково направлены против наших граждан и общества, на сдерживание России, на подрыв нашего суверенитета», и констатировал: «Важнейшей задачей остается принципиальная, последовательная борьба с коррупцией, которая отравляет общество, ломает законопослушный бизнес, крадет деньги, необходимые для обороны страны, для ее движения вперед в экономике, социальной сфере» [1].

Эти почти афористичные констатации свидетельствуют об особой актуальности темы прошедшего 17 апреля 2024 года XIII Евразийского антикоррупционного форума «Правовое просвещение и противодействие коррупции».

Противодействие коррупции — сложный процесс, предполагающий творческое использование имеющихся сил и средств, а также поиск резервов, ресурсов, инновационных средств, инструментов, механизмов и технологий их привлечения к антикоррупционной деятельности. Противодействие коррупции в любом государстве требует

согласованных мер и формирования единой многоуровневой системы государственной политики противодействия этому социальному злу.

Все элементы этой сложной системы должны быть точно и ясно зафиксированы (с надлежащей степенью конкретности) национальным законодательством.

Рассуждая о перспективных направлениях научных исследований, способных кардинально и качественно повысить результативность антикоррупционной деятельности, считаем возможным предложить следующее.

Первое. На базе уже проведенной масштабной и трудоемкой **инкорпорации** антикоррупционного законодательства России необходимо максимально быстро перейти к его **кодификации**. Имеется острая потребность в подготовке Модельного кодекса СНГ «О противодействии коррупции». В «пакете» с предлагаемым Модельным кодексом желательно дать его развернутый авторский комментарий, что позволит значительно увеличить возможности его восприятия и признания.

И здесь не для саморекламы, а для аргументации предложения сошлемся на три сборника

региональных нормативных правовых актов по вопросам противодействия коррупции [2—4], в подготовке которых приняли участие авторы статьи.

Эти сборники демонстрируют, насколько значительный объем работы необходимо провести по анализу правовой базы субъектов Российской Федерации, чтобы осуществить кодификацию регионального антикоррупционного законодательства. После опубликования указанных выше сборников каких-либо инициативных проектов кодексов противодействия коррупции в субъектах Российской Федерации не появилось (не скроем — мы надеялись на появление энтузиастов — «кодификаторов»). Мы убеждены: кодификация российского федерального и регионального антикоррупционного законодательства — одно из приоритетных инновационных исследовательских направлений, которое может не только оживить интерес к упорядочению антикоррупционного законодательства, но и сориентировать государственную политику противодействия коррупции на долгосрочную перспективу, значительно повышающую срок действия национального плана. Доктринальным «сопровождением» этого процесса может стать **разработка нескольких альтернативных проектов модельных антикоррупционных кодексов субъектов Российской Федерации.**

На этой основе гораздо легче будет вести поиск содержания и формы Модельного кодекса СНГ о противодействии коррупции.

Но на этом систематизаторскую деятельность «останавливать» нецелесообразно. В предлагаемый Модельный кодекс СНГ «О противодействии коррупции» вполне могут войти некоторые элементы ныне действующего Модельного закона о противодействии коррупции (в редакции 2008 года), Модельного закона СНГ о борьбе с коррупцией 1999 года, Модельного закона СНГ «Основы законодательства об антикоррупционной политике 2003 года, Модельного закона СНГ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» 2012 года, Модельного закона СНГ «Об антикоррупционном мониторинге» 2013 года, Модельного закона СНГ «О просветительской деятельности», Модельного кодекса поведения для государственных служащих (2000 года) и некоторых других.

Предлагаемая нами кодификация законодательства необходима потому, что в нем следует учесть принципы антикоррупционного

законодательства субъектов Российской Федерации, отразить ныне отсутствующую процессуальную сторону антикоррупционного законодательства, отобразить линии взаимодействия между различными органами по вопросам реализации государственной политики противодействия коррупции, которые применяются в рамках межгосударственных соглашений. Например, в рамках многостороннего Соглашения о сотрудничестве государств — участников Содружества Независимых Государств в противодействии коррупции 2022 года либо двустороннего Меморандума о взаимопонимании между Генеральной прокуратурой Российской Федерации и Агентством Республики Казахстан по противодействию коррупции (Антикоррупционной службой) от 21 февраля 2024 года.

Модельный кодекс СНГ «О противодействии коррупции» необходим и в ракурсе отдаленной перспективы развития российского законодательства — имеем в виду создание свода законов о России в формате «Кодекса кодексов».

Модельные кодексы — такой формат, если его последовательно развивать, который может выступить реальной альтернативой, барьером для выдвигания совершенно идеалистических, невыполнимых даже в отдаленной перспективе доктринальных идей. Приведем одну из них, озвученную и отстаиваемую в философской науке.

М. Н. Гирник ведет речь «о формировании конституционализма нового типа — наднационального, предполагающего выработку общепланетарной глобальной конституции. Но было бы наивно полагать, что новый тип конституции может быть отражен в каком-нибудь единственном правовом документе. Новый тип конституции может строиться на принципиально иных, более сложных системных основаниях, нежели конституции национальных государств» [5]. Полагаем, что нет ни теоретической, ни практической необходимости искать подобного рода «сложные системные основания» — надо системно модернизировать модельную кодификацию.

Второе. Целесообразна подготовка открытого для всеобщего обозрения **Реестра лиц, осужденных за преступления коррупционной направленности.**

Реестр может содержать: а) фото преступника; б) основные биографические данные (цифровой профиль); в) статью УК РФ, по которой он осужден; г) избранную меру наказания; д) реально отбытый срок наказания; е) дату условно-досрочного освобождения и какой именно суд принял такое решение. Особо надо

отметить ведомство, где он служил и совершил преступление. Отдельно должна быть указана «строка» об осужденных, скрывшихся за рубежом либо в России. Реестр желательно разместить на официальном сайте Верховного Суда Российской Федерации.

Реестр следует отнести к юридическим актам **постоянного** функционирования. Смерть внесенного в него лица не должна влечь исключение из Реестра. «Вечное клеймо», федеральная виртуальная Доска позора, современный аналог гражданской казни выступают мощным системным профилактическим средством не только для близких коррупционера, но и для широкого круга лиц и организации. Открытость такого рода данных — сама по себе демократическая ценность, свидетельствующая о нетерпимости государственной власти и гражданского общества к коррупции, как к высокой степени опасности.

В настоящее время в МВД России есть информационная база осужденных, в том числе и за коррупционные преступления, но она закрытая, а информацию о судимости можно получить только по запросу. Это скорее перечень организационно-управленческого рода, а не средство профилактического воздействия, которое мы предлагаем.

Может возникнуть сомнение относительно объема предлагаемого Реестра. Здесь надо опираться на имеющиеся официальные статистические данные. Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации данная информация об обвинительных приговорах по делам коррупционной направленности за 2023 год пока не опубликована. В 2021 году таких приговоров было вынесено 15 162. В 2022 году их стало больше — 20 560.

В докладе Министра внутренних дел России на уже упоминавшемся расширенном заседании коллегии МВД России при характеристике наступательности в противодействии коррупции озвучена следующая цифра: «органами внутренних дел задокументировано 27 тысяч посягательств в данной категории, половина из них — факты взяточничества» [1].

В декабре 2023 года А. И. Бастрькин указал на то, что за девять месяцев 2023 года в суд направлено 7 949 уголовных дел коррупционной направленности (источник: <https://tass.ru/interviews/19484225>). Более достоверной и точной информации по 2023 году пока что нет.

Таким образом, можно с большой долей вероятности утверждать, что в предлагаемом Реестре ежегодно может появляться около

20—23 тысяч осужденных, в том числе лиц, которым уголовное наказание заменено судебным штрафом.

Не исключен вариант, что Реестр может состоять из двух частей — другим элементом этого документа может быть **реестр лиц, уволенных в связи с утратой доверия**. Реестр размещен в открытом доступе в сети «Интернет» на портале (<http://gossluzhba.gov.ru/reestr>). По состоянию на 5 апреля 2024 года в реестр включено **2 893 лица** за совершение коррупционного правонарушения.

Согласно статье 15 Федерального закона от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» в реестр лиц, уволенных в связи с утратой доверия (далее — реестр) подлежат включению сведения об увольнении (о прекращении полномочий) лица в связи с утратой доверия за совершение коррупционного правонарушения, за исключением сведений, составляющих государственную тайну, сроком на пять лет с момента принятия акта, явившегося основанием для включения в реестр. Бытует мнение, что страх — малоэффективное средство профилактики коррупции. Конечно, результативнее достичь духовного совершенства, нравственного, личного неприятия коррупционных проявлений. Но предлагаемый реестр может сыграть свою стопорящую роль, вызвав страх иного рода, другого уровня — боязнь коррупционера повредить **будущему** своих детей и внуков.

В августе 2023 года вступили в силу изменения, внесенные в постановление Правительства Российской Федерации от 5 марта 2018 года № 228 «О реестре лиц, уволенных в связи с утратой доверия». В частности, скорректировано Положение о реестре лиц, уволенных в связи с утратой доверия. Теперь в реестр будут также включаться данные о лицах, замещавших должности в федеральных государственных учреждениях, а также должности руководителей региональных и муниципальных учреждений. Такое нововведение соответствует не только «букве закона», но и его смыслу.

В соответствии с частью 7 статьи 81 Трудового кодекса Российской Федерации сведения о применении к работнику дисциплинарного взыскания в виде увольнения в связи с утратой доверия за нарушение определенных норм антикоррупционного законодательства обязательно включаются работодателем в реестр.

Имеется солидный зарубежный опыт противодействия коррупции с помощью ведения специальных реестров.

В 2001 году в Японии вступил в силу Закон «О раскрытии информации». Этот акт гарантирует гражданам право на доступ к официальной информации, имеющейся у правительственных учреждений, и возможность подать апелляцию в Совет по контролю за раскрытием информации в том случае, если правительство откажется ее обнародовать.

В Японии в соответствии с данным законом ведется **реестр лиц, против которых выдвинуты обвинения в коррупции или причастности к организованной преступности** [6, с. 45—56]. Этот факт доводится до сведения общественности через средства массовой информации, может повлечь за собой установление контроля за поведением конкретного лица, применение к нему ряда правоограничений.

В Германии существует несколько **региональных реестров регистрации фактов коррупции** [7], которые используются для целей государственных закупок. Государственные органы обязаны отчитываться о коррупционных предприятиях, которые регистрируются централизованно. До заключения контрактов на сумму, превышающую определенный лимит, государственные закупщики обязаны сверяться с реестром.

В России постоянно (с большей или меньшей активностью) вводятся новые правовые институты и режимы. Необходимо сразу исследовать возможные коррупционные риски этих инноваций, вести поиск пробелов и иных дефектов, которые могут использовать лица, склонные к коррупционному поведению. Например, с 1 января 2024 года введен **институт репатриации**. Соотечественники, проживающие за рубежом, в рамках госпрограммы получили право переселиться в любой субъект без согласования с соответствующим уполномоченным органом.

Нет нужды объяснять, как важно обеспечить правильное, экономное, быстрое функционирование этого правового института. И как значимо не допустить в этой сфере появления и распространения коррупции.

Третье. Ничуть не умаляя **теоретическую важность, практическую значимость, дидактическую ценность** антикоррупционного **просвещения**, считаем необходимым несколько **сместить акцент**, усилить и дополнить некоторые элементы этой деятельности посредством обращения к феномену **популяризации**.

В двух крупных публикациях об антикоррупционном просвещении [8, 9] понятие «популяризация» не раскрывается и связь этого вида деятельности с просвещением не исследуется.

В интересной статье Е. Б. Козловой с названием «Меры популяризации антикоррупционного поведения в рамках образовательного процесса» [10] речь идет об антикоррупционном просвещении и образовании, но не о популяризации этих институтов противодействия коррупции.

Популяризация результатов противодействия коррупции, антикоррупционное воспитание, антикоррупционное образование, антикоррупционная пропаганда — смежные, параллельно существующие, но не тождественные, а разнопорядковые понятия.

Чрезмерно узко «связать» популяризацию только с антикоррупционными стандартами поведения, их активным «внедрением» в правосознание граждан и общественных объединений.

Популяризация результатов противодействия коррупции не просто и не только антикоррупционное информирование, воспитание, пропаганда, образование. Это нечто большее по **активности воздействия**. Популяризация антикоррупционной деятельности — призыв и вовлечение адресатов в ее процесс для достижения результата.

Различие между популяризацией результатов противодействия коррупции и антикоррупционным просвещением можно провести по следующим моментам.

Антикоррупционное просвещение носит **более объективный** характер, нежели популяризация, которая в значительной степени субъективна. Популяризатор, как правило, «любит» тему, стремится ее «возвысить», «облагородить». Популяризация предполагает поддержание интереса к антикоррупционной деятельности, вовлечение адресатов в ее сферу, приобщение к борьбе с коррупционерами. Популяризация результатов противодействия коррупции проявляется в наличии эмоционально-оценочных языковых средств, особого авторского стиля, образности, метафоричности. Для популяризации результатов противодействия коррупции характерно применение личного опыта, обращение к образному пояснению терминов и категорий. При популяризации результатов противодействия коррупции преобладает авторское «я». Цель такого обращения — стремление к авторскому присутствию и вовлечению адресата в диалог.

Антикоррупционное просвещение в содержательном плане несколько ближе к **правовой идеологии**, а популяризация теснее связана с юридической психологией, эмоциональной стороной человеческой деятельности.

Мало знать и даже понимать содержание антикоррупционных законов, поддерживать

антикоррупционную политику государства — требуется **реальное личное участие** в противодействии коррупции. Именно на это нацелена популяризация результатов противодействия коррупции, а не антикоррупционное просвещение. В этом плане популяризация результатов противодействия коррупции близка по своему содержанию к антикоррупционной агитации, направленной на побуждение лица к одобряемому антикоррупционному поведению [11].

Анализ содержания федерального и регионального антикоррупционного законодательства позволил нам выявить действующие инструменты противодействия коррупции, которые были стихийно сформированы и до сих пор в недостаточной мере исследованы в доктрине. Среди них следует отметить такой институт, как **антикоррупционная пропаганда**, закрепленный в региональном антикоррупционном законодательстве. Однако каких-либо крупных научных исследований по практике его применения и мерах, направленных на повышение его эффективности, отечественными специалистами не проводилось. Сегодня в юридической науке имеются лишь небольшие по объему научные статьи по отдельным вопросам, направленным на его обоснование как инструмента противодействия коррупции, и некоторые оценки его применения [12—15]. Справедливости ради надо отметить, что и в целом информационное сопровождение реализации государственной на «периферии» научных разработок. В современной доктрине до сих пор не разработаны такие средства противодействия коррупции, которые упоминаются отдельными специалистами, как **антикоррупционная агитация** и **антикоррупционная реклама**. Не смогли мы обнаружить исследовательские работы, направленные на качественное исследование **антикоррупционной информационной политики** в Российской Федерации.

Полагаем, что есть острая потребность в организации специализированной межведомственной **лаборатории популяризации результатов противодействия коррупции**, которая могла бы координировать поиск, планирование и реализацию этого вида творческой деятельности.

Промежуточным итогом этого фрагмента статьи можно предложить следующую операциональную дефиницию понятия «популяризация результатов противодействия коррупции».

Популяризация результатов противодействия коррупции — особый, относительно

самостоятельный, самоценный, предметно специализированный, поливекторный, многофакторный, разноуровневый вид творческой массово-коммуникативной деятельности, направленной на правильное распространение истинных научно-практических знаний антикоррупционного профиля от специалистов к неспециалистам, нацеленной на практико-ориентирующее, заинтересованное их освоение в доступных, понятных письменных и электронных формах, призванной формировать в общественном сознании позитивный образ и социальную выгодность антикоррупционного поведения, усиливать доверие к антикоррупционной деятельности, повышать имидж антикоррупционной науки и борцов с коррупцией, увеличивать потребность общества в результатах антикоррупционной деятельности, расширять обмен опытом популяризаторского антикоррупционного общения¹.

Многие изъяны популяризации результатов противодействия коррупции обусловлены недостатками в популяризации юридической науки в целом. Приведем один показательный факт.

Е. Е. Макаровой был составлен рейтинг предметно-тематических направлений научно-популярных сайтов (в процентах от общего числа публикаций). Исследованные ею сайты популяризируют **двадцать четыре** направления. И далее она отмечает, что среди этих направлений нет юридических наук [16]. Остается сожалеть, что этот пробел не замечают правоведы.

К результатам популяризации результатов противодействия коррупции надо ради объективности относить не только фиксированные успехи и достижения в борьбе с этим социальным злом — девиантным поведением, но и ошибки, провалы, недостатки в этой сфере.

¹ Дефиниция является конкретизацией определения более общего феномена «популяризация юридической науки», природа которого раскрыта В. М. Барановым в выступлении на межвузовском с международным участием практическом мотивационно-просветительском форуме по докладу заслуженного деятеля науки Российской Федерации, доктора юридических наук, профессора А. В. Малько «О роли современной юридической науки в жизни российского общества (проблемы «научного туризма» — как я стал почетным профессором в Китае и читал лекции в Германии)», состоявшегося 26 марта 2024 года на базе Нижегородской академии МВД России (материалы содержатся в этом же номере журнала).

Их также можно и нужно популяризировать (а не скрывать) под определенным углом зрения, в особом ракурсе, особенном фокусе. Трудности антикоррупционной деятельности здесь можно продемонстрировать особенно рельефно.

Своеобразным эталоном популяризации дефектов научно-практической деятельности может служить книга академика РАН Э. М. Галимова с примечательным названием «Замыслы и просчеты: фундаментальные космические исследования в России последнего двадцатилетия. Двадцать лет бесплодных усилий» (Москва: Едиториал УРСС. 2010. 304 с.). В предисловии к книге на странице 10 автор пишет: «Это — описание участия в работе, которая не принесла результата. За этим стоят бесплодные усилия многих людей, не получивших удовлетворения от своей работы. Они, подобно своим предшественникам, могли бы гордиться своим личным вкладом в историю космических исследований. Но годы их труда ни во что не воплотились. Это и мои бесплодные усилия». В книге бесценны гражданская смелость и критический анализ совершенных ошибок.

Об особой важности популяризации результатов противодействия коррупции свидетельствует поручение по итогам заседания Совета при Президенте по науке и образованию от 8 февраля 2024 года, которое гласит: «Принять меры, необходимые для обеспечения производства и проката полнометражных художественных фильмов, направленных на популяризацию достижений российской науки и повышение престижа профессии ученого» [17].

Документальных (да и качественных художественных) фильмов о противодействии коррупции явно недостаточно. И здесь одно спорное отступление. Если бренд «сказка» является в настоящее время очень популярным, то жанр «фантастика» не менее привлекателен. В этой связи одно «шаловное» предложение — хочется верить, что оно не будет отвергнуто без раздумий, «сходу». Надеемся, нас не обвинят в приверженности к давно развенчанной евгенике, но генетика **человека** — научное направление, которое развивается весьма активно, и возможности его необозримы. Глава 8 книги историка науки и технологий Уорикского университета Джейма Поскетта названа «Генетические государства».

Рискнем выдвинуть гипотезу, что у коррупционеров могут быть неизвестные нам пока генетические особенности (точнее отклонения), выражающие суть их корыстной природы, стяжательских наклонностей. Речь идет

о возможной подготовке и проведении генетического экспериментального исследования ДНК и крови на предмет поиска «хромосомы жадности» либо «гена корыстолюбия» или «биоклетки стяжательства», «микроба вождения», «молекулы казнокрадства», «вирусной мутации тщеславия» и т. п.

Чтобы предложение не казалось совсем абсурдным, напомним, что мексиканский генетик де Гарай собирал и изучал образцы крови олимпийских спортсменов в 1968 году. По итогам масштабного исследования де Гарай был вынужден признать: «Не было обнаружено надежной корреляции между какими-то конкретными генами и конкретными спортивными достижениями олимпийцев» [18, 19]. Отрицательный результат, как известно, тоже результат.

Ничто не мешает снять красивый убедительный фантастический фильм о такого рода генетическом анализе, где была бы наглядно показана отвратительная природа коррупционера. Если угодно — предлагается «внедрение» механизма отрицательной долговременной социальной памяти. В фильме следует доказать, что корыстолюбие, стяжательство, мздоимство не являются **генетическим заболеванием** — это сугубо социальный морально-психологический феномен, который подлежит **не лечению**, а системному наказанию и воспитанию.

Вполне можно такие фильмы демонстрировать перед каждым сеансом резонансных произведений.

Касаясь нетривиальных путей решения противодействия коррупции, некоторые исследователи не без оснований предлагают обратиться к **психике человека**. «Человек, — отмечает философ Низами Мамедов, — биопсихосоциальное существо. Биологическая основа человека — его анатомия, физиология, генетическая программа развития, естественные потребности, инстинкты. Это биологическая основа, развиваясь, породила психику — сознание, мышление, память, эмоции, характер» [20]. Смысловая регуляция психических состояний личности коррупционера — актуальная задача общей психологии, психологии личности и юриспруденции. По всей видимости, раньше или позже, но будут найдены механизмы управления бессознательным, регулирования стяжательских инстинктов.

Есть резон создать своеобразную видеотеку с записью фрагментов последнего слова на суде наиболее известных коррупционеров, которые публично раскаиваются в совершенных деяниях.

Четвертое. К числу новых направлений совершенствования российской государственной политики противодействия коррупции, требующих научного сопровождения, надо отнести междисциплинарную разработку многоуровневой **системы поощрения** антикоррупционной деятельности в органах государственной власти, органах местного самоуправления и организациях. Именно поощрения, а не стимулирование, поскольку в него (стимулирование) входят и меры государственного принуждения, включая юридическую ответственность, а это иной значительно более широкий «пласт» доктринального исследования. Ныне «обрисованы» лишь основные контуры предлагаемой поощрительной системы [21—24, с. 137—142].

Внедрение в практику противодействия коррупции действенного **антикоррупционного поощрения** позволит при минимальных экономических затратах радикально повысить эффективность такого противодействия. С одной стороны, антикоррупционное поощрение позволит органам публичной власти и организациям снизить коррупционные затраты в экономической деятельности, а с другой — уменьшить коррупционные риски в сфере социального управления.

С технико-юридической стороны систему антикоррупционного поощрения можно «выстроить» следующим образом. Базовым нормативным правовым актом в этой области может стать Указ Президента Российской Федерации «О правовых формах поощрения за заслуги в противодействии коррупции». В общей части документа желательно четко «развести» государственные награды и иные формы поощрения за достижения в борьбе с коррупцией. При обозначении государственных наград (орден, медаль, почетная грамота, благодарность, почетный знак и др.) надо четко зафиксировать «заслугу».

Проблема «заслуги» как главного основания государственного поощрения имеет ключевое значение в деле стимулирования позитивно-активной деятельности (предпочтительнее в этом контексте термин «сверхнормодеятельность»). Заслугу желательно формулировать предельно конкретно. Там, где это возможно, представлять в количественном формате. Такой подход значительно мощнее мотивирует людей к достижению заранее определенных показателей, открывает возможности в правовом порядке **требовать** награды или иного государственного поощрения [24—25, с. 139]. При этом нельзя «культивировать» установление

«квот» на поощрение за заслуги в противодействии коррупции. Квоты нарушают принцип справедливости при оценке заслуг граждан, организаций, отдельных должностных лиц в противодействии коррупции. Награждению и иному поощрению подлежат все заслужившие своей антикоррупционной деятельностью субъекты, а квота «урезает» количество имеющих право на поощрение.

В Указе Президента Российской Федерации желательно делегировать соответствующие полномочия по поощрению руководителям субъектов Российской Федерации, министерств, организаций и учреждений. На этом уровне мыслимы самые разнообразные меры поощрения, включая продвижение по службе. Оптимальная форма конкретизирующих Указ Президента России поощрительных нормативных правовых актов — **Положение**.

Считаем важным отметить, что немногочисленные значимые государственные и общественные премии («Фемида», «За верность науке») не предусматривают номинации за достижения в сфере борьбы с коррупцией.

За конкретные заслуги в антикоррупционной деятельности целесообразно «культивировать» в качестве альтернативы традиционных поощрений оплату путевок на отдых или абонементов в фитнес-зал, предоставление акций компаний, скидок на товары, которые производит предприятие, туристические поездки на выставки, концерты, спортивные мероприятия и т. п.

Пятое. Не менее значимым направлением государственной политики противодействия коррупции в Российской Федерации является подготовка высококвалифицированных кадров по вопросам противодействия коррупции в органах публичной власти. Если для подготовки специалистов по противодействию коррупции в организациях разработан и утвержден соответствующий профессиональный стандарт «Специалист в сфере предупреждения коррупционных правонарушений» [26], то для подготовки специалистов по вопросам противодействия коррупции в органах государственной власти и органах местного самоуправления, где уровень коррупции значительно выше, нет никакого профессионального стандарта, нет рамочных рекомендаций. В то же время разработанные и реализуемые образовательными учреждениями образовательные программы магистратуры по направлению «антикоррупционная деятельность» ориентированы на действующий профессиональный стандарт. Они не всегда соответствуют потребностям практики

противодействия коррупции в органах государственной власти, органах местного самоуправления и ожиданиям работодателей. Поэтому в качестве одного из направлений научного сопровождения совершенствования государственной политики противодействия коррупции должна стать разработка профессионального стандарта «специалист по противодействию коррупции в органах публичной власти». По всей видимости, потребуется научно обоснованная переработка образовательных документов (учебных планов, учебных программ и т. д.) для их подготовки в образовательных учреждениях высшего образования. В этой связи требуется фундаментальная разработка такого научного направления, как **антикоррупционная педагогика**.

Законодатель подробно регламентирует порядок и критерии аттестации инструкторов-проводников, сопровождающих туристов (экскурсантов), предусматривает необходимость их профессионального обучения [27]. Думается, подготовка популяризаторов результатов противодействия коррупции — не менее важное государственное и общественное дело, и ему также следует уделить достойное «законотворческое внимание».

Не секрет, что иногда в среде обучающихся противодействию коррупции встречаются педагоги (лекторы), которые «несут в массы» ложную информацию, деструктивные идеи, больше приносящие вред антикоррупционной деятельности или приводящие к ее дискредитации, чем формирование у обучающихся антикоррупционных компетенций.

Шестое. Еще одним научным направлением, способным качественно повлиять на совершенствование государственной политики противодействия коррупции, является разработка такого направления, как **антикоррупционное планирование**. Парадоксально, но в современной научной литературе имеется только одна монографическая работа, да и та по антикоррупционному планированию в субъектах Российской Федерации [28]. При этом в данной работе не рассмотрены вопросы ведомственного антикоррупционного планирования, планирования противодействия коррупции в муниципальных образованиях и корпоративного антикоррупционного планирования, а обозначены важнейшие направления организации антикоррупционной деятельности.

Седьмое. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что даже в тех направлениях, которые обстоятельно разработаны российскими исследователями антикоррупционной

деятельности, имеются существенные пробелы. Например, по вопросам правового регулирования, организации и проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов отечественными специалистами опубликовано достаточное количество научной, учебной и методической литературы [29—30, с. 122—139], но вне научных интересов остаются вопросы **организации и проведения антикоррупционной экспертизы на региональном и муниципальном уровнях**. Хотя в структуре принятых и действующих в Российской Федерации нормативных правовых актов они занимают значительную долю.

Восьмое. Требуется разработка еще одного нового межотраслевого научного направления (частной виктимологической теории), которое мы условно предлагаем называть **«виктимология коррупции»**. Здесь появляются возможности не только по учету **жертв коррупционного поведения**. В связи с развитием отечественной ведомственной виктимологической статистики мыслима выработка мер по виктимологической профилактике и виктимологической реабилитации этой категории жертв [31—34].

Кстати, виктимологическая составляющая «присутствует» (хотя официально не отмечается) в инновационных экспериментальных мероприятиях в Китае, где собирают жен высокопоставленных государственных служащих и разнопланово воспитывают на предмет неприятия коррупции [35].

Девятое. Еще одно новое направление исследований условно можно назвать **«противодействие антикоррупционному законодательству и практике его реализации»**. Имеются в виду убежденные **противники** функционирующего антикоррупционного законодательства. К ним, бесспорно, относятся лица, осужденные за преступления коррупционной направленности. Своей жизнью и плачевным концом карьеры они доказали, что категорически не приемлют требования антикоррупционного законодательства.

Коррупционеры сознательно встают на путь конкурентного противостояния государству и гражданскому обществу, умышленно выбирают возможность столкновения, конфликта с властью, с системой государственного управления. Они сделали свой выбор и важно всеми доступными средствами и способами показывать и доказывать: это патология, которая претит нормальным людям.

Почему бы не подготовить с привлечением не только социологов, но и психологов, педагогов, культурологов, медиков развернутую анонимную анкету об их отношении к антикоррупционному законодательству, причинах, приведших их к его грубому нарушению, моментах, где его можно было остановить, и т. п.

Десятое. В качестве относительно самостоятельного направления будущих доктринальных исследований может стать выявление максимально большого числа (прямых и косвенных, близких и отдаленных) **последствий коррупционного правонарушения**. Важно выявить не только **сумму** прямого денежного ущерба от взятки, должностного хищения, служебного злоупотребления и подлога, но и у кого эти средства реально изъяты, сколько таких потерпевших, их социальный статус, возможные пути компенсации этого ущерба. Поэтому **определение цены коррупции** для современного российского государства и общества должно стать приоритетным направлением научных исследований уже в ближайшем будущем.

Изложенное позволяет сделать выводы о том, что для совершенствования государственной политики противодействия коррупции необходимо рассматривать в качестве приоритетных и актуальных следующие направления научных исследований:

— разработка теоретических основ кодификации российского антикоррупционного законодательства и подготовки Модельного кодекса СНГ «О противодействии коррупции»;

— раскрытие сущности, содержания и форм, линий взаимодействия основных инструментов противодействия коррупции, предусмотренных российским антикоррупционным законодательством (антикоррупционная популяризация, антикоррупционное воспитание, антикоррупционное просвещение, антикоррупционное образование, антикоррупционное планирование, антикоррупционная пропаганда, антикоррупционная информационная политика);

— формулирование стратегии и тактики организации и проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов на региональном и муниципальном уровнях;

— «внедрение» антикоррупционной педагогики;

— доктринальная разработка виктимологии коррупции как частной виктимологической теории и использование полученных результатов;

— разработка методики определения цены коррупции для российского государства и

общества и использование ее результатов при мониторинге эффективности противодействия коррупции.

Список источников

1. Расширенное заседание коллегии МВД России 2 апреля 2024 года. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73770> (дата обращения: 08.04. 2024).

2. Антикоррупционное законодательство субъектов Российской Федерации: сборник нормативных правовых актов / сост. В. М. Баранов, И. И. Бикеев, П. А. Кабанов и др. Москва: Проспект, 2017. 1120 с.

3. Антикоррупционное процессуальное законодательство субъектов Российской Федерации: сборник нормативных правовых актов / сост. В. М. Баранов, И. И. Бикеев, П. А. Кабанов и др. Москва: РГ-Пресс, 2018. 1152 с.

4. Правовое регулирование организации и проведения антикоррупционной экспертизы в субъектах Российской Федерации: сборник нормативных правовых актов / сост. В. М. Баранов, И. И. Бикеев, П. А. Кабанов и др. Москва: Проспект, 2020. 936 с.

5. Гирник М. Н. Конституция как средство и результат социальной самоорганизации: автореф. дис. ... канд. философ. наук. Москва, 2023. С. 17–18.

6. Бочарников И. В. Зарубежный опыт противодействия коррупции. Актуальные проблемы противодействия коррупции. Сер. Проблемы национальной безопасности. № 6 (351). 2008. Москва: Совет Федерации ФС РФ. С. 45–56.

7. Министерство зонирования Берлина, Реестр коррупции (Corruptionsregister). URL: www.stadtentwicklung.berlin.de. (дата обращения: 08.04.2024).

8. Бикеев И. И., Кабанов П. А. Антикоррупционное просвещение: вопросы теории и практики. Казань: Изд-во «Познание», 2019. 240 с.

9. Антикоррупционное просвещение в Российской Федерации: научно-практическое пособие / Д. А. Пашенцев, Ю. В. Трунцевский, А. М. Цирин [и др.]; отв. ред. Т. Я. Хабриева. Москва: Проспект, 2024. 144 с.

10. Козлова Е. Б. Меры популяризации антикоррупционного поведения в рамках образовательного процесса // Юстиция. 2016. № 3. С. 37–51.

11. Кабанов П. А. Антикоррупционная агитация как информационное средство противодействия коррупции: понятие и содержание // Административное и муниципальное право. 2014. № 2. С. 178–185.

12. Горшенков Г. Н. Антикоррупционная пропаганда: понятие и содержание // Актуальные проблемы экономики и права. 2010. № 4. С. 39–46.

13. Кабанов П. А. Понятие и содержание антикоррупционной пропаганды как правовой категории в российском региональном антикоррупционном законодательстве // Административное и муниципальное право. 2013. № 9 (69). С. 878–884.

14. Кабанов П. А. Антикоррупционная пропаганда как инструмент противодействия коррупции в Республике Татарстан: вопросы повышения качества правового регулирования // Право и политика. 2013. № 9. С. 1130–1138.
15. Михалап Е. В., Приймак Л. О. Антикоррупционная пропаганда // Интернаука. 2023. № 43-3 (313). С. 41–42.
16. Макарова Е. Е. Популяризация науки в Интернете: содержание, формы, тенденции развития // Вестник Московского ун-та. Сер. 10. Журналистика. 2013. № 2. С. 102.
17. Заседание Совета при Президенте по науке и образованию от 8 февраля 2024 года. URL: <http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/73737> (дата обращения: 03.04.2024).
18. Поскетт Дж. Незападная история науки: Открытия, о которых мы не знали / пер. с англ. Москва: Альпина Паблицер, 2024. С. 356.
19. См. также Медведев Ю. Расшифруют по букве. 100 тысяч россиян получают генетические паспорта // Российская газета. 2024. 17 апреля.
20. Мамедов Н. Коррупционное мышление как естественно-научный феномен. Биопсихические качества *Homo sapiens* не исчезают с усилением в нем социальных качеств // Независимая газета. 2024. 10 апреля.
21. Кабанов П. А. Правовое регулирование стимулирования деятельности независимых экспертов, уполномоченных на проведение антикоррупционной экспертизы в Российской Федерации: проблемы и перспективы // Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве. 2020. Т. 1. № 9. С. 158–164;
22. Кабанов П. А. Международно-правовые основы стимулирования (поощрения) антикоррупционного поведения в Российской Федерации // Вопросы реализации государственной политики в области противодействия коррупции: сб. материалов науч.-практ. конф. (Казань, 8 ноября 2019 г.) / под общ. ред. Ф. Р. Хисамудинова; сост. А. А. Хайдаров; Казан. юрид. ин-т (фил.) Ун-та про-куратуры Рос. Федерации. Москва, 2020. С. 36–39.
23. Кабанов П. А. Стимулирование реализации государственной политики противодействия коррупции в субъектах Российской Федерации, входящих в Дальневосточный федеральный округ: аналитический доклад. Казань: изд-во «Познание» Казанского инновационного университета, 2021. 91 с.
24. Баранов В. М. «Позитивная юридическая ответственность»: спорный концепт, мнимая практика, виртуальная техника: монография. Москва: Блок-Принт, 2022.
25. Баранов В. М. Поощрительные нормы советского социалистического права: монография. Саратов: Изд-во СГУ, 1978. 146 с.
26. Об утверждении профессионального стандарта «Специалист в сфере предупреждения коррупционных правонарушений»: приказ Минтруда России от 8 августа 2022 года № 472н. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 09.09.2022).
27. О внесении изменений в Федеральный закон «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон Российской Федерации от 23 марта 2024 года № 63-ФЗ // Российская газета. 2024. 27 марта.
28. Бикеев И. И., Кабанов П. А. Антикоррупционное планирование: теоретические основы и правовое регулирование в субъектах Российской Федерации. Казань: Изд-во «Познание», 2021. 328 с.
29. Юридическая техника. 2022. № 16: Материалы XXIII Международного научно-практического Форума «Юртехнетика» на тему «Правотворческая экспертиология (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 22–25 сентября 2021 года) / глав. ред. проф. В. М. Баранов. Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2022. 686 с.
30. Залоило М. В. Современные проблемы антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов. Автоматизация и цифровизация процесса // Противодействие коррупции и процессы цифровизации: научно-практическое пособие / Ю. В. Трунцевский, А. М. Цирин, Е. В. Черепанова и др. Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. Москва: Инфотропик Медиа, 2023. С. 122–139.
31. Кабанов П. А., Садеев М. М. Виктимология коррупции как частная виктимологическая теория: понятие, предмет и некоторые задачи, связанные с оказанием помощи жертвам коррупции // Следователь. 2008. № 5. С. 43–46.
32. Гарипов И. М. Виктимологическая характеристика криминального коррупционного поведения в Республике Татарстан (результаты статистического наблюдения за период 2007–2009 гг.) // Актуальные проблемы экономики и права. 2010. № 4. С. 31–38.
33. Гарипов И. М. Виктимологическое направление воздействия на криминальное коррупционное поведение: понятие и общая характеристика // Актуальные проблемы экономики и права. 2011. № 4. С. 34–37.
34. Балясов Д. С., Гордополов Ю. В., Петрова В. Ю. Виктимологическая профилактика коррупции // Вопросы российского и международного права. 2022. Т. 12. № 9-1. С. 450–460.
35. Ленин А. Не давай мужу воровать. В Китае о коррупции стали предупреждать жен чиновников // Российская газета. 2024. 10 апреля.

References

1. Extended meeting of the Board of the Ministry of Internal Affairs of Russia on April 2, 2024. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73770> (accessed 08.04.2024). (In Russ.)

2. Anti-corruption legislation of the subjects of the Russian Federation: collection of normative legal acts / comp. V. M. Baranov, I. I. Bikeev, P. A. Kabanov, etc. Moscow: Prospekt Publ., 2017. 1120 p. (In Russ.)
3. Anti-corruption procedural legislation of the subjects of the Russian Federation: collection of normative legal acts / comp. V. M. Baranov, I. I. Bikeev, P. A. Kabanov, etc. Moscow: RG-Press Publ., 2018. 1152 p. (In Russ.)
4. Legal regulation of the organization and conduct of anti-corruption expertise in the subjects of the Russian Federation: collection of normative legal acts / comp. V. M. Baranov, I. I. Bikeev, P. A. Kabanov and other. Moscow: Prospekt Publ., 2020. 936 p. (In Russ.)
5. Girnuk M. N. Constitution as a means and result of social self-organization: Author's abstract. ... candidate of Philosophical Sciences. Moscow, 2023. Pp. 17–18. (In Russ.)
6. Bocharnikov I. V. Foreign experience in combating corruption. Actual problems of combating corruption. Ser. Problems of national security. No. 6 (351). 2008. Moscow: Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation. Pp. 45–56. (In Russ.)
7. Berlin Ministry of Zoning, Register of Corruption (Korruptionsregister). URL: www.stadtentwicklung.berlin.de. (accessed 08.04.2024). (In Russ.)
8. Bikeev I. I., Kabanov P. A. Anti-corruption education: issues of theory and practice. Kazan: Publishing house "Cognition", 2019. 240 p. (In Russ.)
9. Anti-corruption education in the Russian Federation: a scientific and practical guide / D. A. Pashentsev, Yu. V. Truntsevsky, A. M. Tsirin [et al.]; ed. by T. Ya. Khabrieva. Moscow: Prospekt Publ., 2024. 144 p. (In Russ.)
10. Kozlova E. B. Measures to popularize anti-corruption behavior in the framework of the educational process. *Justice*, 2016, no. 3, pp. 37–51. (In Russ.)
11. Kabanov P. A. Anti-corruption agitation as an informational means of countering corruption: concept and content. *Administrative and municipal law*, 2014, no. 2, pp. 178–185. (In Russ.)
12. Gorshenkov G. N. Anti-corruption propaganda: concept and content. *Actual problems of economics and law*, 2010, no. 4, pp. 39–46. (In Russ.)
13. Kabanov P. A. The concept and content of anti-corruption propaganda as a legal category in the Russian regional anti-corruption legislation. *Administrative and municipal law*, 2013, no. 9 (69), pp. 878–884. (In Russ.)
14. Kabanov P. A. Anti-corruption propaganda as a tool for combating corruption in the Republic of Tatarstan: issues of improving the quality of legal regulation. *Law and politics*, 2013, no. 9, pp. 1130–1138. (In Russ.)
15. Mikhalap E. V., Priymak L. O. Anti-corruption propaganda. *Internauka*. 2023, no. 43-3 (313), pp. 41–42.
16. Makarova E. E. Popularization of science on the Internet: content, forms, development trends. *Bulletin of the Moscow University*. Ser. 10. Journalism, 2013, no. 2, p. 102. (In Russ.)
17. Meeting of the Presidential Council for Science and Education on February 8, 2024. URL: <http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/73737> (accessed 03.04.2024). (In Russ.)
18. Poskett J. The non-Western history of science: Discoveries that we did not know about / translated from English by Moscow: Alpina Publ., 2024. p. 356. (In Russ.)
19. See also Medvedev Yu. They will decode it by letter. 100,000 Russians will receive genetic passports. *Rossiyskaya gazeta*. 2024. April 17th. (In Russ.)
20. Mammadov N. Corrupt thinking as a natural scientific phenomenon. The biopsychic qualities of Homo sapiens do not disappear with the strengthening of social qualities in him. *Nezavisimaya Gazeta*. 2024. April 10. (In Russ.)
21. Kabanov P. A. Legal regulation of stimulating the activities of independent experts authorized to conduct anti-corruption expertise in the Russian Federation: problems and prospects. Social integration and development of ethnic cultures in the Eurasian space. 2020. Vol. 1. No. 9. pp. 158–164. (In Russ.)
22. Kabanov P. A. International legal bases for stimulating (encouraging) anti-corruption behavior in the Russian Federation // Issues of implementation of the state policy in the field of anti-corruption: collection of materials of scientific and practical conference. (Kazan, November 8, 2019) / under the general editorship of F. R. Khisamutdinov; comp. A. A. Khaidarov; Kazan. Jurid. in-t (phil.) The University of Pro-curation grew. Federation. Moscow, 2020. pp. 36–39. (In Russ.)
23. Kabanov P. A. Stimulation of the implementation of the state anti-corruption policy in the subjects of the Russian Federation included in the Far Eastern Federal District: an analytical report. Kazan: Publishing house "Cognition" of Kazan Innovation University, 2021. 91 p. (In Russ.)
24. Baranov V. M. "Positive legal responsibility": controversial concept, imaginary practice, virtual technique: monograph. Moscow: Blok-Print Publ., 2022. pp. 137–142. (In Russ.)
25. Baranov V. M. Incentive norms of Soviet socialist law: monograph. Saratov: Publishing House of the SSU, 1978. 146 p. (In Russ.)
26. On approval of the professional standard "Specialist in the field of prevention of corruption offenses: order of the Ministry of Labor of the Russian Federation no. 472n of August 8, 2022. URL: <http://pravo.gov.ru> (accessed 09.09.2022). (In Russ.)
27. On Amendments to the Federal Law "On the basics of tourism activity in the Russian Federation" and certain legislative acts of the Russian Federation: Federal Law of the Russian Federation no. 63-FZ of March 23, 2024. *Rossiyskaya Gazeta*. 2024 March. 27. (In Russ.)
28. Bikeev I. I., Kabanov P. A. Anti-corruption planning: theoretical foundations and legal regulation in the subjects of the Russian Federation. Kazan: Publishing house "Cognition", 2021. 328 p. (In Russ.)

29. Legal technique. 2022. No. 16: Materials of the XXIII International Scientific and Practical Forum "Yurtechnetics" on the topic "Law-making expertise (doctrine, practice, technique)" (Nizhny Novgorod, September 22-25, 2021) / editor-in-chief Prof. V. M. Baranov. Nizhny Novgorod: UNICOPI Publ., 2022. 686 p. (In Russ.)

30. Zaloilo M. V. Modern problems of anti-corruption expertise of normative legal acts and their projects. Automation and digitalization of the process // Anti-corruption and digitalization processes: a scientific and practical guide / Y. V. Truntsevsky, A. M. Tsirin, E. V. Cherepanova, etc. Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation. Moscow: Infotropik Media Publ., 2023. pp. 122–139. (In Russ.)

31. Kabanov P. A., Sadeev M. M. Victimology of corruption as a private victimological theory: concept, subject and some tasks related to providing assis-

tance to victims of corruption. *Investigator*, 2008, no. 5, pp. 43–46. (In Russ.)

32. Garipov I. M. Victimological characteristics of criminal corrupt behavior in the Republic of Tatarstan (results of statistical observation for the period 2007–2009). *Actual problems of economics and law*, 2010, no. 4, pp. 31–38. (In Russ.)

33. Garipov I. M. Victimological direction of influence on criminal corrupt behavior: concept and general characteristics. *Current problems of economics and law*, 2011, no. 4, pp. 34–37. (In Russ.)

34. Balyasov D. S., Gordoplov Yu. V., Petrova V. Yu. Victimological prevention of corruption. *Issues of Russian and international law*, 2022, vol. 12, no. 9-1, pp. 450–460. (In Russ.)

35. Lenin A. Don't let your husband steal. In China, the wives of officials began to warn about corruption. *Rossiyskaya Gazeta*. 2024. April 10th. (In Russ.)

Информация об авторах

В. М. Баранов — доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, помощник начальника Нижегородской академии МВД России по инновационному развитию научной деятельности, президент Нижегородского исследовательского научно-прикладного центра «Юридическая техника», член Междисциплинарного совета по координации научного и учебно-методического обеспечения противодействия коррупции;

П. А. Кабанов — доктор юридических наук, доцент, директор НИИ противодействия коррупции Казанского инновационного университета имени В. Г. Тимирязова, член рабочей группы Президиума Совета при Президенте Российской Федерации по противодействию коррупции по взаимодействию со структурами гражданского общества.

Information about the authors

V. M. Baranov — Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Assistant to the Head of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia for innovative development of scientific activity, President of the Nizhny Novgorod Research Scientific and Applied Center "Legal Technology";

P. A. Kabanov — Doctor of Law, Associate Professor, Director of the Anti-Corruption Research Institute of Kazan Timiryasov Innovation University, member of the working group of the Presidium of the Presidential Council under the President of the Russian Federation for Combating Corruption on interaction with civil society structures.